

Глава 19. Это я ему дал

—

— Госпожа?

Байлянь слегка затаил дыхание. Госпожа в поместье Нин – это мать Нин Муяня, но она не была его родной матерью, а являлась второй женой его отца, мачехой.

Родная мать Нин Муяня рано ушла из жизни, и лишь спустя несколько лет господин Нин взял в дом нынешнюю госпожу. Однако не прошло и двух лет после свадьбы, как господин Нин скончался на службе, и мачеха осталась вдовой.

Еще в те годы, что Байлянь провел в поместье в прошлой жизни, он знал, что отношения Нин Муяня с мачехой не были теплыми.

Говорили, что когда она только вышла замуж, то всем сердцем желала родить господину Нину собственного ребенка и не слишком жаловала Нин Муяня. Но, к несчастью, в те два года господин Нин был постоянно занят по службе, редко бывал дома, и детей у них так и не появилось.

После смерти мужа мачеха увидела, что единственной опорой в поместье остался Нин Муянь, и попыталась сблизиться с ним. Но к тому времени Нин Муянь был уже в сознательном возрасте; он помнил, как мачеха игнорировала его раньше, и теперь её «оливковая ветвь» выглядела слишком уж фальшиво, так что он не спешил её принимать.

Трудно сказать, затаил ли Нин Муянь обиду за её холодность при жизни отца, но он сам по себе был человеком скрытным и немногословным. Даже не будь между ними неприязни, стать по-настоящему близкими людьми им было бы непросто.

Видя, что Нин Муянь перспективен, но не поддается контролю, мачеха ради своего будущего благополучия взяла на воспитание сына наложницы господина Нина и записала его на свое имя, надеясь, что тот в будущем добьется чинов.

Обретя «своего» сына, пусть и не кровного, но мать мальчика к тому времени тоже умерла, она перестала придавать Нин Муяню былое значение и все эти годы просто исполняла роль хозяйки дома.

Байлянь с головной болью перебирал в уме эти хитросплетения прошлого. Он знал, что мачеха и пасынок – мать и сын лишь на бумаге, и потому искренне недоумевал: зачем ей понадобился лекарь, прислуживающий Нин Муяню?

— Сестрица, позвольте узнать, нездоровится ли госпоже? Мне стоит взять аптечку, чтобы не бегать туда-сюда, — попытался разведать обстановку Байлянь.

Служанка держалась сухо и безукоризненно, пресекая все расспросы:

— Не нужно. Во дворе госпожи есть всё необходимое. Маленькому лекарю Цзяну нужно просто пойти со мной.

Хотя она прямо не ответила, по её виду было ясно – дело вовсе не в болезни.

Саньлэн робко вставил:

— Позвольте мне пойти с господином, я смогу помочь.

Служанка отрезала:

— Тебе идти не нужно. Неужели во дворе госпожи не хватит рук?

Байлянь понял, что его намеренно вызывают одного, и подал Саньлэну знак глазами.

— Маленький лекарь Цзян, прошу вас.

Саньлэн смотрел вслед уходящему Байляню и в тревоге мерил шагами комнату. Пусть он был простоват и не сравнился бы со старшими горничными, он нутром чуял недоброе. Его охватила паника, но выхода не было. Подумав, он бросился со всех ног к павильону Баоаньтан.

Байлянь шел за служанкой и после долгих петляний вошел во двор Сицзиньюань. Не успев разглядеть убранство двора, он был введен в главный зал.

Там, на почетном месте, сидела величественная и роскошно одетая женщина. Ей было чуть за тридцать, но благодаря уходу она выглядела очень молодо. Помимо госпожи, в зале находились старая нянька-служанка, две старшие горничные, несколько незаметных слуг, а также Цяожоу из их двора и какая-то девчонка, стоявшая на коленях.

Приведшая его служанка заняла свое место среди вторых горничных. Десяток пар глаз впились в Байляня. Но госпожа на почетном месте даже не взглянула на него – она небрежно взяла с сандалового столика чашку ароматного чая и медленно сделала глоток.

Тишина была красноречивее слов. Байлянь прекрасно знал, как в знатных домах любят такие театральные жесты. Молчание затягивалось, а острые, расчетливые взгляды со всех сторон будто пронзали насквозь, пытались сломить волю и внушить страх. Это была изоощренная пытка тишиной – классический «урок смирения».

Будь на его месте обычный деревенский гер, он бы уже дрожал от страха, не смея поднять глаз и мечтая лишь о том, чтобы провалиться сквозь землю. Когда-то, в своей первой жизни, Байлянь именно так себя и чувствовал – рыбой на разделочной доске.

Но теперь... Его кожа была куда толще, чем у всех присутствующих. В конце концов, кто из них не прожил полжизни, добывая хлеб в подобных интригах?

Байлянь сохранял полное спокойствие. Видя, что все молчат, он заговорил первым:

— Лекарь Цзян Байлянь приветствует госпожу.

Совершив поклон, он посмотрел на женщину на главном месте с таким пылким и почти радостным ожиданием, с каким мясник смотрит на скотину, точа нож:

— Госпоже угодно обычное прослушивание пульса или через шелк?

— Ты умеешь проводить прослушивать пульс через шелк?! — Госпожа от неожиданности спросила вслух, на миг забыв про свой «урок смирения».

Байлянь прямо ответил:

— Так называемое прослушивание пульса через шелк – это когда на запястье кладут шелковый платок. Это не то «диагностирование через шелковую занавеску», о котором пишут в книгах.

Ваш покорный слуга не слишком искусен, но через платок пульс прощупать сможет.

Госпожа поставила чашку. Звук фарфора о стол был громче обычного – её явно раздосадовало, что её так легко сбили с пафосного тона. Тань Юнь чувствовала крайнее неудовольствие от того, что какой-то шестнадцатилетний гер заставил её плясать под свою дудку.

— Ты тот самый лекарь, которого Муянь привез из деревни?

— Именно так, госпожа.

— Слышала, Муянь ценит тебя настолько, что позволяет прислуживать в кабинете.

— Старший молодой господин милостив и добр, потому и не гнушается моим невежеством и грубостью.

Заметив, что он признал посещение кабинета, взгляд госпожи внезапно стал ледяным:

— Раз ты знаешь, как Муянь тебя ценит, почему же ты не вел себя подобающе и совершил такое тяжкое преступление?

Байлянь нахмурился:

— Недостойный не знает, в чем его вина.

— И до сих пор ты не желаешь сознаться? — холодно произнесла госпожа. — Вы, деревенское отребье, никогда не сдаётесь, пока гроб не увидите.

Байлянь: «?»

Тань Юнь, видя его невинное лицо, нетерпеливо махнула рукой. Стоявшая за ней старая служанка положила на стол нефрит, а рядом с ним – несколько свитков с каллиграфией и живописью.

Байлянь с самого начала понимал, что этот визит не к добру. Он думал, что мачеха хочет просто отчитать его, но не ожидал, что нефрит окажется у неё.

Тань Юнь продолжала:

— В этом доме всегда были строгие правила. Ты работаешь в саду Диму и Муянь тебе доверяет. Вместо благодарности ты проявил черную душу и поддался воровскому умыслу!

Байлянь тут же возразил:

— Это не я взял!

— Не ты? Если бы сегодня при уборке и окурировании слуги не обнаружили это в твоей спальне, тебе бы и впрямь удалось скрыть украденное!

Стоявшая в комнате Цяожоу добавила:

— На всех золотых и нефритовых украшениях, что носит молодой господин, вырезан иероглиф «Янь» (阝). Мало того, что в твоей комнате нашли нефрит точно такой же работы, на нем еще и этот иероглиф! Неужели ты и дальше будешь отпираться? В кабинет старшего молодого господина в эти дни входил только ты. Разве ты не воспользовался этой возможностью, чтобы

украсть этот нефрит и каллиграфию? Зря молодой господин привез тебя из бедной деревни в поместье, твоя низость пятнает честь поместья Нин!

Байлянь посмотрел на Цяожоу. Та самая вежливая девушка, которая в саду Диму всегда называла его «маленьким лекарем Цзяном», теперь превратилась в злобную обвинительницу.

В груди у Байляня закипела ярость. Ладно нефрит, он был его, но откуда взялись свитки? Им показалось мало одной вещи, и они решили добавить улики?

Раньше, будучи наложником, он дрожал за свое место. Сейчас же он был просто наемным работником. В худшем случае его выгонят, но он не обязан терпеть унижения.

— Сестрица Цяожоу, а я присутствовал, когда вы нашли эти вещи? С чего вы взяли, что они мои?

Цяожоу нахмурилась:

— Их нашли в твоей комнате! Цю-эр, говори!

Коленопреклоненная девчонка, дрожа всем телом, пролепетала:

— Эта рабыня сегодня получила приказ убираться и посыпать комнаты травами. Вообще-то Тяньмэньдун должен убирать Саньлэн, но он ушел с лекарем. Дело не терпело отлагательств, я вошла в комнату и при уборке нашла эти вещи, о чем тут же доложила сестрице Цяожоу.

Байлянь холодно усмехнулся:

— Кто-то скажет - «уборка», а кто-то - «копаться в чужих вещах». В доме строгие правила, и прежде чем судить меня, стоит спросить: каков нрав у той, кто рыщет в чужой комнате без хозяина? К тому же, меня там не было. Откуда мне знать, что это не подбросили?

Лицо Цяожоу исказилось. Она не ожидала, что этот «тихоня» окажется таким красноречивым.

— Во дворе господина служат только проверенные люди, верные ему годами. Там всегда был покой, пока не появился ты. Кроме тебя, новоприбывшего, кто посмеет прикоснуться к вещам молодого господина?

— Пусть сестрица говорит складно, но зачем мне это красть?

— Ты из нищей деревни, вот и захотел нажиться, чтобы помочь семье.

Бай Лянь был в ярости. Значит ли это, что люди из бедных семей обязательно будут воровать?

Тань Юнь покачала головой:

— Муянь еще слишком молод, раз привел в дом человека с таким гнилым нутром. Есть ли тебе еще что сказать...

Её слова прервал голос, раздавшийся от входа:

— Как сегодня шумно у матушки.

При звуке этого спокойного голоса все присутствующие невольно обернулись к дверям.

Тань Юнь замерла:

— Муянь! Как ты здесь оказался?

— Услышал, что матушка вызвала моего лекаря. Я обеспокоен вашим здоровьем, вот и поспешил проведать вас.

Тань Юнь была удивлена приходу пасынка, но еще больше её раздосадовал его тон. Нин Муянь, будто не замечая её лица, прошел вперед и сел без приглашения.

— Мой лекарь прав. У него нет причин красть эти вещи.

Тань Юнь вскипела. Мало того что Нин Муянь сел сам, так он еще и открыто принял сторону лекаря, что было неслыханно для него – человека, который никогда не вникал в дела слуг.

— Муянь!

Нин Муянь ровным голосом произнес:

— Я сам дал их ему.

Цяожоу побледнела. Она не ожидала, что Нин Муянь придет, и уж тем более – что он станет защищать Байляня. Все в зале начали с подозрением поглядывать на Цяожоу и Цю-эр.

— Муянь, неужели ты и впрямь это ему дал? Свитки – ладно, но нефрит...

— Недавно в поместье я простудился и сильно страдал, не имея возможности быстро позвать врача. К счастью, лекарь Цзян исцелил меня. В порыве радости я отдал ему нефрит, — лицо Нин Муяня не выражало никаких эмоций. — В моей сокровищнице таких вещей не одна и не две. Есть ли в этом что-то неподобающее?

Тань Юнь натянула улыбку:

— Эти вещи не имеют бесценной стоимости, в доме их полно. Нет ничего плохого в том, что ты наградил того, кого ценишь.

Нин Муянь слегка улыбнулся:

— Благодарю матушку за понимание.

После этого он перевел взгляд на дрожащую Цяожоу и коленопреклоненную Цю-эр.

— Так зачем вы обвинили лекаря Цзяна в краже?

Цяожоу тут же рухнула на колени рядом с Цю-эр:

— Молодой господин, ваши вещи драгоценны! Я лишь выслушала доклад Цю-эр и не знала, что вы наградили лекаря. Я лишь проявила бдительность!

— Бдительность? Сегодня твоя бдительность позволяет тебе доверять слугам, что рыщут по чужим спальням. Завтра твоя бдительность позволит тебе рыться в моих вещах?

— Раба... раба не смеет.

— Чего ты еще не смеешь? У тебя смелости побольше, чем у многих. Даже если ты сочла дело подозрительным, ты должна была дождаться моего возвращения, а не бежать беспокоить матушку. С каким умыслом ты это сделала?

— Раба... раба думала, что молодой господин не утруждает себя делами слуг, поэтому...

Нин Муянь холодно прервал её:

— Ты очень верна своей старой хозяйке.

Он посмотрел на трясущуюся Цю-эр и вынес приговор:

— Цю-эр, пользуясь уборкой, нарушила покой гостя и устроила смуту на пустом месте. Найти посредника и продать её.

Затем он повернулся к Тань Юнь:

— Прошу прощения, что мелочи моего двора обеспокоили вас, матушка. Своих слуг я накажу сам, но раз Цюожоу вышла из вашего двора, прошу вас еще раз взять на себя труд и заняться её воспитанием.

Лицо Тань Юнь пошло пятнами. Она думала, что лекарь и впрямь попался, и хотела использовать это, чтобы показать свою власть и ударить по самолюбию Нин Муяня. Но всё обернулось против неё.

Занесенная для удара ладонь пришлась по её собственному лицу. Стиснув зубы, она произнесла:

— Муянь, ты несешь бремя всей семьи, и эти нерадивые слуги лишь доставляют тебе хлопот. Не волнуйся, матушка всё уладит.

— Премного благодарен, матушка. — Он поднялся. — Раз недоразумение исчерпано, не смею отвлекать вас от обеда.

Нин Муянь поклонился и посмотрел на Байляня, который, казалось, был несколько погружен в свои мысли, слегка нахмутив брови. Он опоздал на несколько шагов; Байлянь, должно быть, сильно пострадал от несправедливости и был так напуган, что чуть не ошеломлен. Он почувствовал себя плохо, сделал паузу и повторил:

— Цюожоу, ты давно в поместье, но совершаешь ошибку за ошибкой. Хотя я поручил твоё наказание матушке, и даже если она из жалости не станет карать тебя строго, если ты посмеешь вернуться в мой двор – я не буду так милостив.

Сказав это, он не удостоил взглядом ни перекошенное лицо мачехи, ни белое как полотно лицо Цюожоу. Смягчив тон, он обратился к Байляню:

— Возвращаемся.

—